

Либерально-демократические ценности / Journal of liberal democratic values <https://liberal-journal.ru>

2025, №1, Том 9 / 2025, No 1, Vol 9 <https://liberal-journal.ru/issue-1-2025.html>

URL статьи: <https://liberal-journal.ru/PDF/09UNLD125.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Куликов Е. С. Некоторые тенденции реформирования российского конкурсного права на современном этапе / Е. С. Куликов, Ю. Д. Мореева, М. В. Телюкина // Либерально-демократические ценности. — 2025. — Т. 9. — № 1. — URL: <https://liberal-journal.ru/PDF/09UNLD125.pdf>

For citation:

Kulikov E. S., Moreeva Yu. D., Telyukina M. V. Some trends in reforming Russian bankruptcy law on the current stage. *Journal of liberal democratic values*. 2025; 9(1): 09UNLD125. Available at: <https://liberal-journal.ru/PDF/09UNLD125.pdf>. (In Russ., abstract in Eng.)

УДК 347.191.6

Куликов Евгений Станиславович

РАНХиГС при Президенте РФ, Москва, Российская Федерация
доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Факультета экономических и социальных наук
Кандидат юридических наук, доцент
E-mail: eskulikov@rambler.ru

Мореева Юлия Дмитриевна

Московский Государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация
Магистрант
E-mail: moruliya@gmail.com

Телюкина Марина Викторовна

РАНХиГС при Президенте РФ, Москва, Российская Федерация
профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса Института права и национальной безопасности
Доктор юридических наук
E-mail: marwict@mail.ru

Некоторые тенденции реформирования российского конкурсного права на современном этапе

Аннотация. реформирование российского конкурсного права посредством практики Верховного Суда РФ, Конституционного Суда РФ, а также внесения изменений и дополнений в конкурсное законодательство – процесс неизбежный и постоянный. Трудности реформы определяются отсутствием в базисе регламентации чёткой направленности исходя из параметров продолжительности или прокредиторскости, что реализуется и на современном этапе реформы, некоторые аспекты которого рассмотрены в настоящей статье. В статье также проанализированы проблемы, связанные с ролью судебной практики в реформировании конкурсного права. В частности, рассматриваются несколько значимых дел из практики Конституционного Суда РФ и их влияние на деятельность законодателя. Авторы дают оценку некоторых изменений конкурсного права и обозначают возможные дальнейшие направления реформирования данной отрасли.

Ключевые слова: конкурсное право; несостоятельность (банкротство); реформа конкурсного законодательства; продолжительность; прокредиторскость, неконституционность пробела правовой регламентации

Необходимость реформирования конкурсного законодательства определяется несовершенством (а может даже отсутствием) базисного теоретического подхода к

построению правовой регламентации отношений, связанных с несостоятельностью (банкротством) субъектов гражданского права.

Как известно, способы построения конкурсного законодательства и регламентация процедуры банкротства зависят от принадлежности государства к той или иной правовой системе, условий развития правопорядка и специфики социально-экономической ситуации[14].

Векторы построения, развития и реформирования конкурсного права сводятся к двум направлениям - реабилитационному и ликвидационному.

Разрабатывая конкурсный закон, законодатель оценивает конкретные цели регламентации и приоритизирует либо нормы, позволяющие создать условия (прежде всего – предоставить определённое время) для восстановления платежеспособности должника, либо – нормы, направленные на скорейшую ликвидацию юридического лица либо распродажу имущества физического лица.

В итоге законодательный акт либо выражает стремление к достижению реабилитационной цели, что реализуется в продолжниковой системе построения конкурсного законодательства; либо – воплощает введение норм, позволяющих пресечь деятельность должника при возникновении первых же финансовых проблем – с тем, чтобы эти проблемы не усугубились со временем, что реализуется в прокредиторской системе построения конкурсного законодательства.

Целевая направленность конкурсного права позволяет дифференцировать два доминирующих направления построения конкурсного законодательства - продолжниковое и прокредиторское (иногда учёные выделяют также промежуточные модели банкротства – умеренно продолжниковую и умеренно прокредиторскую [1]).

И продолжниковая, и прокредиторская системы имеют как сильные, так и слабые стороны, что отмечается учёными [2, 7].

Названная классификация имеет практическое значение для определения политики действий юриста в конкретной ситуации банкротства, в особенности при трансграничном банкротстве, когда отношения регламентируются законодательными актами различных государств.

Мы считаем целесообразным использовать неологизмы – термины «продолжниковость» и «прокредиторскость» – для обозначения как направленности конкурсного законодательства в целом, так и отдельных его элементов.

Продолжниковость предполагает как бы презумпцию (иначе говоря - квазипрезумпцию) того, что должник не имеет отношения к возникшим у него финансовым проблемам, которые, соответственно, являются случайными и преодолимыми. Основная цель продолжниковости – сохранение организационно-правовой формы должника, возможно, за счет интересов бизнеса (имущественного комплекса) и кредиторов.

Продолжниковость характеризуется следующими признаками: наличие длительных по времени восстановительных процедур и лёгкость их введения по инициативе должника и/или иных субъектов, в том числе, судебных органов; возможность осуществления восстановительных процедур самим должником, то есть его руководством – оно от исполнения обязанностей не отстраняется; допущение продолжения функционирования

должника после окончания конкурса в случае неполного расчёта с кредиторами.

В настоящее время одна из наиболее сильных продолжниковых законодательных систем построена в конкурсном праве США. Основной задачей конкурсного законодательства США является «максимальное использование существующих возможностей и инструментов для "спасения" предприятия, которые через процедуры банкротства могут быть восстановлены и продолжать работать в экономике, в том числе без смены собственника бизнеса» [5]. Следствием становится высокий процент должников, длительное время продолжающих функционировать в условиях предбанкротного финансового положения и реализации их активов; сохраняется организационно-правовая форма, даже в ущерб спасению экономики бизнеса должника.

Прокредиторскость предполагает как бы презумпцию (квазипрезумпцию) того, что должник испытывает финансовые проблемы в силу неэффективного осуществления хозяйственной деятельности либо неразумной управленческой политики, то есть ответственно за банкротство руководство должника. В прокредиторских системах главной целью процедуры банкротства является максимально быстрое и полное удовлетворение требований кредиторов и сохранение бизнеса должника, возможно, за счёт потери организационно-правовой формы. Иначе говоря, приоритизируется расчёт с кредиторами и эффективное использование активов, а не защита попавших в затруднительное положение хозяйствующих субъектов.

В качестве признаков прокредиторскости можно выделить: возможность введения восстановительных процедур исключительно по инициативе кредиторов, но не должника; приоритет воли кредиторов в распоряжении активами должника; осуществление всех конкурсных процедур независимым субъектом – то есть отстранение руководства должника от исполнения его обязанностей; возможность привлечения к ответственности менеджеров и иных лиц, доведших должника до банкротства.

Одна из наиболее сильных прокредиторских систем функционирует в Великобритании, где создан механизм управления экономикой бизнеса (компанией) должника в рамках, в том числе, ликвидационной процедуры, что, как следствие, позволяет сохранить имущественный комплекс должника и, по сути, действующее предприятие.

Российской истории известна попытка создать нейтральную систему законодательства о банкротстве. Разрабатывая Закон о банкротстве 1998 года (второй российский закон, регламентирующий конкурсные отношения), законодатель, в отсутствие разумной теоретической базы в некоторых ситуациях предоставил дополнительные права должнику, в некоторых - кредиторам. Выстроенная система законодательного регулирования банкротства была названа нейтральной [12].

Российская попытка построить первую в мире нейтральную систему базировалась на постулировании того, что слабые стороны каждой из систем можно преодолеть, и использовать только сильные, тем самым создав единственный идеальный закон о банкротстве. Сама идея прекрасна, но ее реализуемость более чем сомнительна. С учетом разнонаправленности интересов полярных субъектов конкурса, противоположные задачи имеют должник и кредитор; в процессе может присутствовать и скрытый субъект, интересы которого способен отстаивать любой участник процесса - должник, кто-то из кредиторов, арбитражный управляющий, или даже государственные органы.

Практика применения Закона 1998 года показала дефектность идеи построения нейтральной системы: и должник, и кредиторы начали активно злоупотреблять своими

правами. Должники уводили активы; кредиторы и иные заинтересованные лица использовали конкурсные нормы для перераспределения корпоративного контроля, иначе говоря, захватов бизнеса.

Весьма преуспели в злоупотреблении конкурсными правами кредиторы. Широко применялись схемы, в рамках которых производство по делу о банкротстве возбуждалось по подложным документам в отсутствие задолженности, либо при наличии небольшой задолженности в отношении компаний с миллиардными активами, затем ангажированный арбитражный управляющий осуществлял, например, дополнительную эмиссию акций, вследствие чего должник получал средства, достаточные для расчёта со всеми кредиторами, расчёт осуществлялся, производство по делу о банкротстве завершалось восстановлением платежеспособности должника. И всё было бы замечательно, если бы не учредители (участники) должника, доли которых размывались, точнее, существенный пакет акций помимо их воли переходил к покупателю акций дополнительной эмиссии. Описанный рейдерский захват осуществлялся совершенно законно, с соблюдением действовавших норм Закона 1998 года [15, 16].

Естественной реакцией законодателя на множившиеся злоупотребления кредиторов было лишение их определённых прав и наделение дополнительными правами должника. Таким образом, в следующем Законе о банкротстве 2002 года выбор был сделан в пользу продолжниковой модели, несмотря на явную экономическую привлекательность прокредиторской конструкции как позволяющей максимально спасти бизнес должника, то есть сохранять имеющиеся экономические механизмы и связи.

Дальнейшее развитие российского конкурсного законодательства шло по пути, образно выражаясь, латания дыр: изменения (дополнения), вносимые в закон, были направлены на пресечение злоупотреблений со стороны определённых субъектов.

В настоящее время уже очевиден провал попытки построить нейтральную систему банкротства, что во многом объясняется непоследовательностью законодательной позиции, отсутствием теоретической базы и сущностной неэффективностью самой идеи конкурсной нейтральности.

На наш взгляд, действующее российское конкурсное законодательство в целом продолжает оставаться продолжниковым, хотя и имеет некоторые отрывочные и бессистемные прокредиторские элементы, демонстрируя низкую практическую эффективность.

Следствием бессистемности и отсутствия стройного теоретического базиса построения российского законодательства, регламентирующего банкротство, является необходимость постоянного внесения изменений и дополнений в отдельные нормы Закона о банкротстве и в иные связанные с ним законодательные акты.

В настоящее время мы наблюдаем очередной виток реформирования конкурсного законодательства, причём реформа не выражена в едином законодательном акте, а реализуется посредством множества решений как законодателя, так и КС РФ. При этом системный подход, то есть приоритизация продолжниковости или прокредиторскости отсутствует, вследствие чего некоторые параметры опосредуют продолжниковую направленность, а некоторые – прокредиторскую, что едва ли можно назвать позитивной тенденцией.

Далее мы остановимся на некоторых изменениях, наблюдаемых на текущем витке реформы российского конкурсного законодательства.

На основании Постановления КС РФ¹ были внесены в Закон о банкротстве² изменения, позволившие вне очереди, приоритетно перед текущими платежами, осуществлять расходы на снижение угрозы техногенных/экологических катастроф на опасном объекте, в том числе осуществляемые в рамках обычной хозяйственной деятельности. При этом такие расходы подлежат погашению перед текущими платежами. Ранее подобная проблема решалась практикой ВС РФ³ в противоречии с императивной регламентацией Закона о банкротстве, что, по сути, иллюстрировало приоритет принципа разумности над императивной регламентацией. Рассмотрение проблемы такого приоритета выходит за рамки настоящей статьи [12]. Указанные изменения могут быть названы воплощением продолжительности, однако косвенный интерес кредиторов также просматривается.

КС РФ несколько изменил положение КДЛ (контролирующих должника лиц), постановив не взыскивать с них штрафы, наложенные на юридическое лицо за налоговые правонарушения⁴. Эти изменения улучшают положение контролирующих лиц, что в целом следует признать позитивным, ибо в настоящее время к КДЛ предъявляется множество финансовых претензий, что может негативно сказаться на экономических интересах в целом.

Следующий аспект реформирования касается ответа на вопрос о том, в каком порядке – текущем или очередном – удовлетворять налоговые требования, возникшие вследствие продажи активов должника в конкурсном производстве (ликвидационной стадии). С 05.06.2023 года КС РФ решил указанную проблему, установив очередность требования об уплате налога на прибыль с дохода от продажи имущества должника-банкрота в порядке требований третьей очереди⁵. Эти изменения могут быть названы прокредиторскими, так как способствуют защите интересов большинства кредиторов, которые могли не получить вообще ничего, если бы налоговые требования удовлетворялись в текущем порядке.

Таким образом, КС РФ приоритизировал частные интересы кредиторов по сравнению с публичными интересами.

Обращает на себя внимание интересный аспект практики КС РФ: в ч. 2 п. 1 резолютивной части Постановления КС РФ от 31.05.2023 N 28-П сказано следующее: «Признать статьи 248, 249, пункт 1 статьи 251 и статью 271 Налогового кодекса Российской Федерации и пункты 1 и 3 статьи 5, пункт 2 статьи 134 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (часть 1), 34 (часть 1), 35 (части 1 и 3) и 57, в той мере, в какой они во взаимосвязи с другими положениями Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" не позволяют определенно разрешить вопрос об очередности удовлетворения требования об уплате налога на прибыль организации от реализации имущества, составляющего конкурсную массу в деле о банкротстве, в системе платежей, осуществляемых

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 01.02.2022 N 4-П "По делу о проверке конституционности абзаца второго пункта 1 статьи 134 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" в связи с жалобой публичного акционерного общества "Т Плюс"

² Федеральный закон от 24 июля 2023 г. N 344-ФЗ "О внесении изменений в статьи 126 и 134 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)"

³ См., напр., Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 21.10.2019 № 305-ЭС19-9863

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 30.10.2023 N 50-П "По делу о проверке конституционности пунктов 9 и 11 статьи 61.11 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" в связи с жалобой гражданки Л.В. Ваулиной"

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 31.05.2023 N 28-П "По делу о проверке конституционности статей 248 и 249, пункта 1 статьи 251 и статьи 271 Налогового кодекса Российской Федерации, а также пунктов 1 и 3 статьи 5 и пункта 2 статьи 134 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" в связи с запросом Верховного Суда Российской Федерации и жалобой общества с ограниченной ответственностью "Предприятие строительных работ энергетики"

в ходе процедуры банкротства организации».

Из этой цитаты следует интересный вывод: по сути, не соответствующей Конституции РФ признана не норма, а – её отсутствие, то есть – имеет место неконституционность пробела правовой регламентации. При этом, в соответствии с п. 2, 4 ст. 125 Конституции РФ⁶, в круг полномочий Конституционного Суда входит проверка на соответствие Конституции именно действующих норм различных нормативно-правовых актов. В доктрине также отмечается функционирование КС РФ именно в качестве «негативного законодателя» [17] – то есть органа, уполномоченного признавать неконституционными правовые нормы и требовать их изменения законодателем. В данном случае наблюдается уникальная ситуация, когда Суд, напротив, фактически требует принятия дополнительных норм, а не их отмены.

Следующий важнейший аспект реформы конкурсного права определяется тем, что 29 мая 2024 года вступил в силу Федеральный закон от 29.05.2024 № 107-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и статью 223 АПК РФ».

Этот закон внес существенные изменения в регламентацию конкурсных отношений; остановимся на основных.

Имущественный ценз вхождения в банкротство увеличен до двух миллионов рублей для должников-юридических лиц (для сельскохозяйственных организаций, стратегических предприятий и субъектов естественных монополий – до трёх миллионов рублей).

Таким образом, законодатель поставил точку в давнем споре о необходимости (или отсутствии необходимости) устанавливать более высокий, нежели 300 000 рублей порог заявления о банкротстве (хотя теоретическая дискуссия, несомненно, продолжится, в том числе в контексте практики реализации указанных законодательных изменений. Аргументы pro et contra видятся следующие. Pro – повышение имущественного ценза снизит риск злоупотреблений, когда посредством возбуждения производства по делу о банкротстве кредиторы пытались добиться цели приоритетного исполнения требований. Contra – из-под банкротства изымаются должники, имеющие небольшую задолженность, что позволит им накопить долги и тем самым усугубить положение кредиторов.

На наш взгляд, возможным механизмом решения данной проблемы может являться установление порога заявления о банкротстве не определённой суммой, а, например, процентом от одного из количественных параметров деятельности должника (например, от его годовой выручки или прибыли). В случае же установления твёрдой пороговой суммы нам представляется обоснованным дифференцировать пороговую сумму задолженности в зависимости от объёма бизнеса должника.

Тем не менее, подробное рассмотрение проблематики признаков и критериев несостоятельности выходит за рамки настоящей статьи. При этом следует отметить интерес доктрины к данным вопросам [3, 6, 8, 10, 11, 13].

Следующая новелла Закона от 29 мая 2024 № 107-ФЗ состоит в том, что теперь для цели включения в реестр требований кредиторов кредиторы должны направить свои требования в суд только в электронном виде. Соответственно, бумажный документооборот уходит в прошлое.

⁶ "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)

Документы, подаваемые через системы электронного документооборота участников арбитражного процесса, должны быть подписаны усиленной квалифицированной электронной подписью (в силу норм ч. 7 ст. 4, ч. 1 ст. 125 АПК РФ⁷).

Ещё одна новелла, связанная с реестром, – появился срок на подачу заявления об исключении требования из реестра и об изменении его очередности. Кредиторы и другие участники дела о банкротстве могут подать соответствующие заявления в течение 3 месяцев; срок исчисляется с момента, когда заявитель узнал или должен был узнать об этом. Данные изменения воплощают идею продолжничества, их цель – стабилизировать реестр, исключить его изменения за пределами трёхмесячного срока. Однако если указанный срок пропущен по уважительной причине, суд вправе его восстановить.

Сомнительными представляются нормы, предоставляющие право оспаривать данные реестра тем кредиторам, которые в реестр ещё не внесены, хотя возможны аргументы и в обоснование данной позиции.

Следующий параметр изменений касается порядка рассмотрения обособленных споров в рамках производства по делу о банкротстве. Установлен ряд ситуаций, когда судьи получают право единолично рассматривать без заседания и вызова участников дела следующие споры:

1. - о распределении судебных расходов и издержек на вознаграждение арбитражных управляющих;
2. - о продлении срока внешнего управления;
3. - об истребовании документов и ценностей должника;
4. - об освобождении арбитражного управляющего от исполнения обязанностей.

При этом, тем не менее, будет возможно назначение заседания с вызовом участников – суд сможет это сделать по мотивированному ходатайству заинтересованных лиц или по своей инициативе.

Кроме того, нормы Закона от 29 мая 2024 № 107-ФЗ предоставили право арбитражному управляющему запрашивать необходимые сведения о должнике, о лицах, входящих в состав органов управления должника, о контролирующих и иных заинтересованных по отношению к должнику лицах без предварительного обращения в арбитражный суд, что сокращает технические издержки производства по делу о банкротстве.

Обратим внимание, что теперь во внесудебном порядке подлежат предоставлению управляющему даже сведения, составляющие служебную, коммерческую и банковскую тайну. Данный параметр небесспорен, так как его реализация в случае ангажированности управляющего может привести к крайне негативным последствиям.

Интересна ещё одна новелла Закона от 29 мая 2024 № 107-ФЗ: теперь финансовый управляющий получил право истребовать информацию об имуществе не только самого гражданина-банкрота, но и его супруга, что практически необходимо, но теоретически небесспорно. Данные новеллы носят прокредиторский характер, так как способствуют оптимизации процесса обращения взыскания по долгам банкрота на активы его супруга (безусловно, следует дифференцировать активы, находящиеся в личной и в общей собственности, но на практике это делается не всегда – подробное рассмотрение данного вопроса выходит за рамки настоящей статьи; обратим внимание на интерес доктрины к данной

⁷ "Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации" от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 29.05.2024, с изм. от 20.06.2024)

проблематике [4, 9]).

Резюмируя сказанное в настоящей статье, отметим, что нынешний виток реформирования российского конкурсного законодательства характеризуется отсутствием последовательности в реализации теоретического базиса, каковым является общая направленность изменений – продолжниковая либо прокредиторская (впрочем, этот базис отсутствует и в самом законе) – это снижает эффективность практической реализации соответствующих положений.

Реформирование конкурсных норм направлено на точечное устранение тех или иных проблем, возникших в практике применения Закона о банкротстве; многие из изменений соответствуют требованиям времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бештоев М.И. Тенденции развития института банкротства: движение от репрессии - к реабилитации должника / М.И. Бештоев // Эффективное антикризисное управление. – 2015. – № 5(92). – С. 62-75.
2. Витрянский В.В., Бациев В.В., Сарбаш С.В. Несостоятельность (банкротство): научно-практический комментарий новелл законодательства и практики его применения. / В.В. Витрянский, В.В. Бациев, С.В. Сарбаш. – М.: Статут. – 2010. – 336 с.
3. Галкин С.С. Понятие и признаки должника-юридического лица по российскому законодательству о банкротстве / С.С. Галкин // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Право. – 2015. – С. 142-155.
4. Гуменюк Л. Судьба совместно нажитого имущества при банкротстве супруга. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.advgazeta.ru/ag-expert/advice/sudba-sovmestno-nazhitogo-imushchestva-pri-bankrotstve-supruga/>.
5. Егоров Д.В. Продажа предприятия при несостоятельности (банкротстве) должника / Д.В. Егоров // Международное публичное и частное право. – 2013. – N 2. – С. 23-25.
6. Карелина С.А., Фролов И.В. Институт банкротства граждан по законодательству РФ / С.А. Карелина, И.В. Фролов // Право и Бизнес. – 2017. – № 4. – С. 18-21.
7. Колиниченко Е.А. Признаки банкротства в Великобритании, США, Германии, Франции и России / Е.А. Колиниченко // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2000. – N 8. – С. 103-109.
8. Коровина О.С. Отдельные виды требований при определении признаков банкротства гражданина / О.С. Коровина // Судья. – 2016. – № 7. – С. 41-45.
9. Никишина Ю. Порядок реализации совместно нажитого имущества супругов (бывших супругов), находящихся в процедурах банкротства, признание долгов общими. [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2023/06/02/poryadok_realizacii_sovmestno_nazhitogo_imushchestva_suprugov_byvshih_suprugov_nahodyaschihsya_v_proc.
10. Осипов Е.М., Шульженко А.С. Правовые аспекты интерпретации понятия «банкротство» как социально-экономического явления / Е.М. Осипов, А.С. Шульженко // Вопросы российского и международного права. – 2023. – Том 13. – № 1А-2А. – С. 299-308.
11. Попондопуло В.Ф. Банкротство. Правовое регулирование. Научно-практическое пособие. 2-е изд. / В.Ф. Попондопуло. – М.: Проспект. – 2016. – 671 с.

12. Роечко Е.А. Концептуальные особенности национальных систем регулирования несостоятельности. / Е.А. Роечко // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2008. – №74-1. – С. 432-435.
13. Телюкина М.В. Легитимация передачи требований к несубъекту гражданского права в конкурсных отношениях / М.В. Телюкина. – М.: Юстицинформ. – 2021. – 308 с.
14. Телюкина М.В. Основы конкурсного права / М.В. Телюкина. – М.: Волтерс клувер. – 2004. – 560 с.
15. Федоров А.Е. Рейдерство и корпоративный шантаж / А.Е. Федоров. – М.: Wolters Kluwer Russia. – 2010. – 463 с.
16. Шелудько А. Рейдерский захват с использованием механизмов банкротства, или легальный способ атаковать ваш бизнес. [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2017/9/29/rejderskij_zahvat_s_ispolzovaniem_mehanizmov_bankrotstva_ili_legalnyj_sposob_atakovat_vash_biznes.
17. Ярошенко Н.И. Значение решений Конституционного Суда России в законотворческой деятельности / Н.И. Ярошенко // Вестник РУДН, Серия Юридические науки. – 2012. – №1. – С. 8-19.

Kulikov Evgeniy Stanislavovich

Presidential RANEPa, Moscow, Russian Federation

E-mail: eskulikov@rambler.ru

Moreeva Yulia Dmitrievna

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

E-mail: moreuliya@gmail.com

Teliukina Marina Viktorovna

Presidential RANEPa, Moscow, Russian Federation

E-mail: marwict@mail.ru

Some trends in reforming Russian bankruptcy law on the current stage

Abstract. The reform of Russian bankruptcy law by forming the legal practice of the Supreme Court and the Constitutional Court, as well as by amending the bankruptcy legislation, is a permanent and inevitable process. The difficulties of the bankruptcy law reform can be explained by lack of the understanding whether Russian bankruptcy system is a pro-debtor or a pro-creditor system. Some of the aspects of the current stage of the Russian bankruptcy law reform are analyzed in this article. The article also analyzes the problems of the role of judicial practice in the bankruptcy law reform. Particularly, several significant cases from the practice of the Constitutional Court and their impact on the legislation processes are analyzed. The authors assess some changes in bankruptcy law and outline possible further directions for bankruptcy law reformation.

Keywords: Bankruptcy law; insolvency (bankruptcy); reform of bankruptcy legislation; pro-debtor system; pro-creditor system; unconstitutionality of the gap in legal regulation